

ДАВНО не верю нашему брату-писателю, когда он жалуется-завидует, что вот кто-то работает, пишет, а он, мол, бездельничает. Не поверил письму В. Распутина: «Где-то еще пишут книги и говорят о них, где-то снимают фильмы и надеются с помощью слова и камеры переменить людей, я же ничего не делаю...»

И правильно, что не поверил: пока мы с Э. Климовым снимали горящую деревню для фильма «Иди и смотри», Распутин писал и написал свой «Пожар» — вот так они и сошлись во времени, два пожара. Страшный наш хатынский и тоже страшный распутинский, хотя там никто никого не жег, лишь склады сгорели над Ангарой. И тем не менее страшен пожар в повести Распутина: прежде, чем склады, души человеческие незаметно выгорели, многие до тла, многих, пугающе многих людей души. Водка и бессмысленность существования их испепелили, хотя, казалось бы, почему, откуда это?..

Впрочем, ничем нас сибиряк не удивил. Есть, есть это и на нашем конце... На тех же киноэкранах рассмотрел, всякое в войну и после видел, но и к такому привыкнуть тяжело...

— И возле моей хаты стоит машина! А я уже думала, никогда не будет возле моей хаты стоять машина.

Снова и снова нам это сообщает женщина, все куда-то срывается бешая, мешаят кинооператорам, но вот, слава богу, задержалась у забора на скамейке и громко радуется, что и «возле ее хаты...» Невыносимое одиночество женщины-пьяницы, большого не бывает. Большой несмелый, добродушный пес, не сводящий заботливых глаз с хозяйки, только подчеркивает это одиночество. Вдруг снова вскопала женщина и, хлопая порванными резиновыми сапогами, быстро-быстро засеменила к своей хате, собака следом. Уже несколько раз уходили и возвращались, и всем ясно, зачем!

Хозяин двора и дома, где мы готовились снимать военного времени сцену, тоже навеселе, румяный, в празднично белой рубашке. Впрочем, у него есть повод (хотя вряд ли он и не нуждается), у него «праздник» даже больший, чем у той женщины, и назот дружелюбной улыбки его некуда деваться...

Видел я всякие хаты белорусские. До пбжаров, а потом в войну, горящие. Поселенные землянки. Все было, но не было этого ощущения, что своя хата как чужая. Впрочем, в занесенной одежде, дырявая уже не для носки, а так — дырку заткнуть, обернуть грязь. Не живут, а доживают. И не оттого, что выехать куда-то собрались, а просто потому, что «и так сойдет», а детям это не понадобится. Сын у хозяйки — в Минске, когда придет, увидит родную деревню с городской своей семьей.

А вот и следы гостевания его: она заклеены целлофаном, нам приходится вставлять степла — необходимо для съёмки. Приезжал сыночек и по пьяному делу переночевал.

— А где, усмехается хозяйская мальчишка. Господи, и этот уже помещен подвергается, глаза косят. Ну, этот в город не уедет, а для деревни, вот такой деревни, согдится, так что задержится, будет работником...

В хате на стенах старые литографии с ненашими пейзажами (хозяйин, судя по ним да по фотографиям — бывший фронтник), в углу огромный телевизор, но грязь и неустроенность, никакой и в войну в деревнях не видел. На гуталинско-черных простынях и подушке пыльно спит сама хозяйка прямо в сапогах (все тех же резиновых), ни выщипав в сараичке голодную свинью, ни киносьемки в доме разбудить ее не в состоянии...

Незадолго до этого пришло мне побывать в иной белорусской деревне (ну, прямо-таки по распутинскому «Пожару!»), которая «с иголочки» — вся в асфальте, в клумбах, новеньких коттеджах, таких же чудно-ненаших, как те настенные литографии. И новоселы все больше приезжие, не местные. Все в новой деревне подчеркнуто щедрое, даже расточительное: только живите, только работайте на земле! Но оценят ли? И удержат ли их коттеджи, асфальт, городские условия труда и отдыха? Тогда как тех, прежних, кто трудился здесь 30—20 лет назад, удержали бы (да что удержали бы: они и не собирались нигде) какие-то минимальные вещи. Ну, не очень щедрый трудящий был, так хоть бы не стесняли с огородом, скотиной, сенокосом («...и вкварт учились курицы, чтоб не попать под налог», как писал на днях в «Правде» Е. Евтушенко в стихотворении «Кабачеговешливости»). Хоть бы не мудрили все напропалую.

Все, включая и нашего брата-писателя, литературу, которая незаметно, но все тверже в разговоре с деревней, с крестьянином усваивала тон начальственный, поучающий, респектабельный.

Читаем в центральной прессе, как пришли мелиораторы (уже белорусские) окультивируют запущенные уголья в одной из нечерноземных областей, а их просят не спешить со сдачей: некому земли те принимать, работники еще не завезли... из Узбекистана.

Да, коттеджи и розарии-клумбы вдоль асфальтовых дорожек — это тоже поиски путей, выхода, но пока искали такие и подобные «разовые» решения, не упустили ли нечто важное, не нечто, а самое-самое — привычку крестьянствовать. Теперь кое-где завозят земледельцев как заморских специалистов — людей редкой профессии! И в промышленности, в технике-технологии навёрстывать упущенное нелегко, непросто, а тут еще сложнее. На крестьянина «учатся», «обучаются» не год и не пять — нужны поколения. Возродить это умение да молодёжь эту любовь привить — это как плодородие восстановить на площадях, снесенных подустую уруганным суховеям. А площадки вон какие — из конца в конец!

Наша классика всегда болела вопросом: кто виноват? что делать? и кто там идет, что грядет?..

Вот и мы нет-нет, да и вопрошаем уже в глобально-экологических масштабах: как получилось, что вместо чернозема вокруг Каховки — болота да солончакки, а наша Польша все ближе к пустыне? Спрашиваем с других. А не спросить ли и с самих себя? Какова во всем этом, например, роль литературы нашей?

Представьте себе некую очередь за продуктовыми заказами, и вдруг над всем «голос»:

— Вам не положено!
— Почему?
— Вы — писатель!
— Конечно!
— Вот поэтому. А если о деревне всю жизнь писали — тем более. Романы, поэ-

ми: кто виноват? что делать? и кто там идет, что грядет?..

Вот и мы нет-нет, да и вопрошаем уже в глобально-экологических масштабах: как получилось, что вместо чернозема вокруг Каховки — болота да солончакки, а наша Польша все ближе к пустыне?

Спрашиваем с других. А не спросить ли и с самих себя? Какова во всем этом, например, роль литературы нашей?

Представьте себе некую очередь за продуктовыми заказами, и вдруг над всем «голос»:

— Вам не положено!
— Почему?
— Вы — писатель!
— Конечно!
— Вот поэтому. А если о деревне всю жизнь писали — тем более. Романы, поэ-

ми: кто виноват? что делать? и кто там идет, что грядет?..

Вот и мы нет-нет, да и вопрошаем уже в глобально-экологических масштабах: как получилось, что вместо чернозема вокруг Каховки — болота да солончакки, а наша Польша все ближе к пустыне?

Спрашиваем с других. А не спросить ли и с самих себя? Какова во всем этом, например, роль литературы нашей?

Представьте себе некую очередь за продуктовыми заказами, и вдруг над всем «голос»:

— Вам не положено!
— Почему?
— Вы — писатель!
— Конечно!
— Вот поэтому. А если о деревне всю жизнь писали — тем более. Романы, поэ-

ми: кто виноват? что делать? и кто там идет, что грядет?..

Спрашиваем с других. А не спросить ли и с самих себя? Какова во всем этом, например, роль литературы нашей?

Представьте себе некую очередь за продуктовыми заказами, и вдруг над всем «голос»:

— Вам не положено!
— Почему?
— Вы — писатель!
— Конечно!
— Вот поэтому. А если о деревне всю жизнь писали — тем более. Романы, поэ-

ми: кто виноват? что делать? и кто там идет, что грядет?..

Спрашиваем с других. А не спросить ли и с самих себя? Какова во всем этом, например, роль литературы нашей?

Представьте себе некую очередь за продуктовыми заказами, и вдруг над всем «голос»:

— Вам не положено!
— Почему?
— Вы — писатель!
— Конечно!
— Вот поэтому. А если о деревне всю жизнь писали — тем более. Романы, поэ-

ми: кто виноват? что делать? и кто там идет, что грядет?..

Спрашиваем с других. А не спросить ли и с самих себя? Какова во всем этом, например, роль литературы нашей?

Представьте себе некую очередь за продуктовыми заказами, и вдруг над всем «голос»:

— Вам не положено!
— Почему?
— Вы — писатель!
— Конечно!
— Вот поэтому. А если о деревне всю жизнь писали — тем более. Романы, поэ-

И вот попробуйте в этих обстоятельствах умыть руки и сослаться на то, что вам некогда, что вы заняты «вечным» словом, которое станут читать не только современники, но и потомки.

Может ведь так случиться, что некому будет читать?..

Если вспомнить его последние рассказы, тоже многих смутившие, можно понять (а точнее, лишь догадываться), какой душевной работой выстрадан призыв этого писателя, обращенный к «деревенщикам» — выходить открыто, не боясь «публицистики», к самым болезненным точкам нашего времени, сопрягая «деревню» с делами и заботами всей планеты, глобальными проблемами.

И вот попробуйте в этих обстоятельствах умыть руки и сослаться на то, что вам некогда, что вы заняты «вечным» словом, которое станут читать не только современники, но и потомки.

Может ведь так случиться, что некому будет читать?..

Если вспомнить его последние рассказы, тоже многих смутившие, можно понять (а точнее, лишь догадываться), какой душевной работой выстрадан призыв этого писателя, обращенный к «деревенщикам» — выходить открыто, не боясь «публицистики», к самым болезненным точкам нашего времени, сопрягая «деревню» с делами и заботами всей планеты, глобальными проблемами.

Может ведь так случиться, что некому будет читать?..

Если вспомнить его последние рассказы, тоже многих смутившие, можно понять (а точнее, лишь догадываться), какой душевной работой выстрадан призыв этого писателя, обращенный к «деревенщикам» — выходить открыто, не боясь «публицистики», к самым болезненным точкам нашего времени, сопрягая «деревню» с делами и заботами всей планеты, глобальными проблемами.

Может ведь так случиться, что некому будет читать?..

Если вспомнить его последние рассказы, тоже многих смутившие, можно понять (а точнее, лишь догадываться), какой душевной работой выстрадан призыв этого писателя, обращенный к «деревенщикам» — выходить открыто, не боясь «публицистики», к самым болезненным точкам нашего времени, сопрягая «деревню» с делами и заботами всей планеты, глобальными проблемами.

Может ведь так случиться, что некому будет читать?..

Если вспомнить его последние рассказы, тоже многих смутившие, можно понять (а точнее, лишь догадываться), какой душевной работой выстрадан призыв этого писателя, обращенный к «деревенщикам» — выходить открыто, не боясь «публицистики», к самым болезненным точкам нашего времени, сопрягая «деревню» с делами и заботами всей планеты, глобальными проблемами.

Может ведь так случиться, что некому будет читать?..

Если вспомнить его последние рассказы, тоже многих смутившие, можно понять (а точнее, лишь догадываться), какой душевной работой выстрадан призыв этого писателя, обращенный к «деревенщикам» — выходить открыто, не боясь «публицистики», к самым болезненным точкам нашего времени, сопрягая «деревню» с делами и заботами всей планеты, глобальными проблемами.

Может ведь так случиться, что некому будет читать?..

Если вспомнить его последние рассказы, тоже многих смутившие, можно понять (а точнее, лишь догадываться), какой душевной работой выстрадан призыв этого писателя, обращенный к «деревенщикам» — выходить открыто, не боясь «публицистики», к самым болезненным точкам нашего времени, сопрягая «деревню» с делами и заботами всей планеты, глобальными проблемами.

Может ведь так случиться, что некому будет читать?..

Если вспомнить его последние рассказы, тоже многих смутившие, можно понять (а точнее, лишь догадываться), какой душевной работой выстрадан призыв этого писателя, обращенный к «деревенщикам» — выходить открыто, не боясь «публицистики», к самым болезненным точкам нашего времени, сопрягая «деревню» с делами и заботами всей планеты, глобальными проблемами.

Может ведь так случиться, что некому будет читать?..

Если вспомнить его последние рассказы, тоже многих смутившие, можно понять (а точнее, лишь догадываться), какой душевной работой выстрадан призыв этого писателя, обращенный к «деревенщикам» — выходить открыто, не боясь «публицистики», к самым болезненным точкам нашего времени, сопрягая «деревню» с делами и заботами всей планеты, глобальными проблемами.

Может ведь так случиться, что некому будет читать?..

ДА, СБЕРЕЖЕНИЕ сущего — главная задача всех. Сбережь живого человека на живой земле, сохрани живое в живом — но как?

Не пора ли озоботиться тормозами? Чтобы отступить от края, пойти назад, обязательно нужно остановиться. Это верно в сфере разоружения. Но и в экологических делах тоже. Не в том смысле, что должна прекратиться производственная деятельность человека, но чтобы отлаживался, совершенствовался механизм торможения, остановки, когда это необходимо. Не когда уже наломали дров, что дальше некуда, а чуть-чуть пораньше. Чем мощнее мотор, тем надежнее должны быть тормоза.

Во время телерепортажа из Тю-

нушевася болотом или еще хуже — солончакками? Читайте «дубильный стол» ученых-почвоведов в «Нашем современном».

Никто не станет всерьез выступать против мелиорации как таковой — в огромной сложнопочвенной и сложноклиматической стране такие работы неизбежны. Но хороша была бы медицина, признающая один лишь скальпель, потому что другие, более щадящие средства и методы ей, видите ли, «мало дают для плана». Если ученые-почвоведы протестуют, так именно против этого — сведения всей деятельности и осушению и поливу, нежелания использовать более тонкие и безопасные пути и средства.

Не навявь, так хоть бы во сне явился бы к ним, и теоретикам и практикам таких «преобразований природы», хирург и предложил бы на собственном примере (как они на живом теле земли)

диалог Залыгина с Распутиным, их требование и обещание памятники ставить разоружителям и погубителям природы (но только «головы вниз»), а еще больше — прочтя материалы «круглого стола», организованного «Нашим современным», вполне могут даже обидеться, жаловаться: им объявляют войну!

Ну что ж, кажется, что сегодня это единственно допустимая и разумная война:

ПРЕЖДЕ бывало (будем справедливы) — люди действительно не ведали, что творят. И как аукнется, чем отзовется их «романтика» борьбы с «дикой природой»? Сегодня же...

Каждую (каждую) минуту в мире несколько десятков гектаров леса уничтожаются. Почти половина из них — тропического. Где-нибудь по Амазонке, а это значит, вместе с флорой гибнет и уникальная фауна.

Словно донесения, реляции с места тяжелых, неутрачивающих боев (в войнах, оказывается, «мировых», планетарных). Согласно «стратегическим данным», если и впрямь столь же успешным будет наступление на природу, через каких-то 20—30 лет исчезнет 50 процентов видов растительного и животного мира. Вот насколько сузится плацдарм живой жизни, без которого и человеку на планете не удержаться.

Как не вспомнить тут кое-кому казавшиеся интеллигентски-наивными швейцарские призывы к благоговению перед всем живым! Сегодня это уже не «роскошь духа» — такая бережливость, благоговение, а условие выживания самого человека. В связи с этим как не радоваться, что все больше детей (как, например, в школах подмосковного Пушкина) учат быть людьми через добрые дела на природе, пробуждая в них «доброту сильного», сострадание, сопереживание любому деревцу-листочку, жульчу-букашке.

А все-таки «экологическая бомба», тоже грозная, больше допускает односторонних, далеко идущих действий, чем это наблюдается в сфере ядерных интересов. И этим надо бы немедленно воспользоваться — для общих проектов совместных действий. Что, возможно, помогло бы находить общий язык и в других делах. Действительно, никто не станет губить свою реку, озеро только потому, что сосед свой уже загубил. В ответ, так сказать, Или выжигать свои леса, чтобы опередить другого, других. Здесь гонка бессмысленна еще более, чем бессмысленная гонка вооружений.

Тут уж все очевидно: если дышать, то всем, а если задыхаться — тоже всем. Об этом размышлял Василий Быков в документальном фильме, созданном о нем В. Дашуком.

Вот они, важнейшие глобальные проблемы, все более смыкающиеся в человеческом сознании. Так что «военной» и «деревенской» литературам, все более открыто выходящим к этим проблемам, идти в тесном взаимодействии просто необходимо.

В фильме Э. Климова «Прощание» (по повести В. Распутина «Прощание с Матёрой») «пожегички» расправляются с livestockом все более азартно, шумно, расплаивая самих себя... А ведь действительно: не выступает ли порой человек по отношению к природе в роли хищника-потребителя? Заметьте, та же психология: чтобы жить, прожить свой срок, одним словом, жить, как набезит, человек в часы, минуты истребляет то, что природой копилось миллионы лет, походя растаптывает живое, растущее. А если «временщикам» приходится оправдываться — найдутся «аргументы». Мне приказали, я птица маленькая Или наоборот: сам я мучи не обидел (лишь приказывал, разрабатывал, одобрял-воспева). И вроде бы нет повинных.

Когда-то Джон Мильтон, автор «Потерянного Рая», «Возвращенного Рая», говорил, что убить хорошую книгу — то же самое, что человека убить. То есть они живое — книга, литература. Но живое умеет и убивать. Только не дело это литератору. Уж кому-кому, а ей в таких делах никакого оправдания. Отныне, как и все живое, лишь жизнь сохраняя, оберегая, она сохранит и себя, свое значение.

МОНОЛОГ О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

Алесь АДАМОВИЧ

НА ЗЕМЛЕЖИТЬ!

ми о торфоперегнойных горшочках сочиняли? А о том, что для размаха, чтобы простор был технике, надо всех со всеми слить, объединить, — писали? И снести «неперспентивные» деревни — об этом тоже? Чтобы травы запахать, «народного академика» Трофима Лысенко поддержали дружно? Что черные пары — расточительство, громко кричали? И что нуку-руза и за Полярным кругом — норолева? Что молочно для колхозника в магазине, а не в его сарае? Что приусадебный огород — пережиток, помеха общественно полезному труду? Писали? Ратовали? Учили, учили! Ну так пойдя, брат, попляши!

НЕТ, НЕ ИСЧЕРПАЛА себя «деревенская» художественная проза. И не грозит ей самоповторение. Она развивается, идет вперед, и, надо сказать, не в одиночестве. Если считать деловую практическую прозу упомянутых ранее писателей-очеркистов достаточно самостоятельной ветвью современной русской литературы, тогда можно говорить, что деревенская художественная идет на прямое с ней сближение: слышится, и одна, и другая станут еще мощнее.

мени, говоря о примерах бесхозяйственности в разных отраслях и производствах, М. С. Горбачев выделил положение с сибирским лесом, где психология американцев связана с самыми разрушительными последствиями. Да и в каких делах такая психология не бедствие.

Лес порубили на тысячи гектаров, а вывезти заготовленное нет сил, нет техники и условий, но «план есть план», зарплату надо лесорубам платить исправно, да и премии не помешают: рубим дальше, давай, давай! Видел я сибирский лес по дороге к Байкалу, непроходимый от так вот бессмысленно загубленных вековых деревьев, мне показалось, убитых, и весь лес — как место безудержного разбоя. Такому «давай, давай» не стыдится поддакивать и наука, не вся, но именно та, которая уже и 40-летние сосны согласна считать «перестойным лесом» (об этом писал недавно А. Лисев в статье «Сколько дереву жить?» в журнале «Наш современник»), в безоглядном «глубоком осушении» белорусских земель, приводящее к гибели также и леса, поспешно и послушно обносывала «научными опытами», поставленным чуть ли не в ящиках, которые домохозяйки устанавливали на балконах (очерк А. Козловича «Позиция» в журнале «Дружба народов»).

Уж вот действительно: не наука, а адвокатские конторы при ведомствах, которые тратят «чуть ли не весь свой арсенал для оправдания сложившейся обстановки» (из выступления М. С. Горбачева на совещании в Тюмени). Нет печальнее зрелища, чем наука на посылах у министерств, заинтересованных лишь в «благополучии плана».

Не на эту ли, такую «науку» ссылаются те, у кого поверх головы излишек бюджетных денег, неприлично много людей, техники, единственная и одна задача — нуда их закопать, миллиарды, чтобы звучали литавры-реляции, сыпались поощрения, сочинялись о «трудовых подвигах» романы-поэмы, — и вот еще одно озеро спущено в море, «рассеванилось», еще сотня-другая малых рек послушно выпрямилась, «выпроталась» (в белорусском языке синоним слову «умереть»), а на месте чернозема, венной пашни возникло море без берегов, тут же обер-

«сприятель» или «вспять повернуть» вен, артерии, влить кровь венозную в артериальную и наоборот... Намется, привычной практике «давай-давай», а там посмотрим!» приходит конец. Придет, остановиться и действительно посмотреть. Реальной продукцией, конечным результатом оценивать всю деятельность.

У тех, кто не научился или отвык считаться с ограниченными, конечно же, возможностями кормилицы-природы, нет достаточного стимула крутить-вертеть мозгами. Как японцы, почти лишённые природных богатств, вынуждены делать в получении всему миру. Почти анекдотическую изобретательность сингапурцы проявили: воды пресной не имеют — на этом и зарабатывают. Покупают неочищенную, перегоняют по трубам из Малайзии, у себя очищают и продают ее, уже пригодную для питья, малайзийцам — таким образом, и вода у них бесплатная, и еще изрядный приработок.

Вот мы все о других. Ну, а роль и миссия наша, литераторы? Наше участие или соучастие каково?

Да, с гордостью можем вспомнить и напомнить, что это «мы» (а точнее — С. Залыгин) подставили ножку энтузиастам заповедника Обской низины (а заодно и тюменской нефти). Вместо того чтобы привычно, как писатели положено, саккомпанировать на поэтической лире захватывающим планам и деяниям. Может быть, с гордостью будем когда-либо вспоминать усилия и озобоченность писателей судьбой северных рек, может быть... И то, что им дело было и до русской «сильной» пшеницы, и до белорусских болот и дубрав, до сохранности украинского и русского чернозема или до рукотворных льно-пожаров на Вологодчине...

Фу, какая приземленность! Да, именно при-земленность. А мне почему-то не очень верится, что без нее невозможно сегодня стоящий писатель. Это качество действительно роднит сегодня разноразнональных писателей, которые решительно отстраняются от соучастия в «войне с природой», потому что, как и в любой другой глобальной войне, победы и здесь быть не может.

Думаю, что кое-кто из воителей на реках и в лесах, все еще чувствовавших себя неуязвимыми, посмотрев и послушав теле-

Рядом и «военная» проза, хочется надеяться, что нарабатанное ею за последние годы и именно в том направлении, куда выходит и «деревенская», согдится для общего дела. Как в свою очередь опыт «деревенщиков», белорусских и русских, необходим был В. Быкову, когда он работал над повестью «Знак беды». (До этой вещи казалось, что Быкова, его творчество вполне можно объяснить самой войной. А ведь это не так: слышном многое в его военных повестях объяснимо лишь довоенного его и его героев деревенской судьбой.)

Две мощные ветви современной международной литературы — деревенская и военная — действительно из одного ствола произрастают. И к одному свету танутся, в одном направлении. Сбережение самой жизни на Земле — их общая, сегодня главная тема, задача, идея.

Живой человек возможен лишь на живой Земле — об этом молят и кричат, коленопреклоненно и гневно одновременно, и «Царь-рыба», и «Прощание с Матёрой», и «Колесом дорога» — В. Астафьев, В. Распутин, В. Козько, равно как и проза С. Залыгина, Ч. Айтматова, Ф. Абрамова, И. Мележа, Д. Гранина, Б. Можаяева, И. Друца, В. Белова, Я. Брыля, Г. Матевосяна, Е. Носова, О. Гончара, А. Кудравца, В. Крупина — многонациональная наша «деревенская» проза.

Действительно, всем миром навальтиса. Пока не поздно!

И тут уж невозможно ограничиться разговором только о «военной» и «деревенской». Вся, как есть, — только так литература сегодня и может оправдать свое право называться литературой. Да, город, да, завод или стройка, институт — свои конфликты, характеры. Свои традиции у разных национальных литератур и своя специфика у различных жанров.

Но вот это — сбережение самих основ существования — касается всех без исключения, и тут уж не место действия, не национальные особенности, не жанр — ничто не может оправдать глухоту и слепоту литературы, писателя (и критики тоже): «Если мы сегодня отстоим мир и добьемся права на завтрашний день, послезавтра мы можем погибнуть от отравленных воздуха, воды и земли. Если мы сумеем и природу отстоять, через два дня новая опасность, не менее трагическая, свихнуться и погибнуть от беспамятства и безразличия, от потери чувства самосохранения».

Вот так сегодня «деревенская» проза (словами В. Распутина из того же интервью) ставит себя в зависимый контекст со всей литературой, которая живет проблемами рода людского.